

Татьяна Ткачук

Снежный бал
В королевском дворце

Мир Дарион

Татьяна Ткачук

**СНЕЖНЫЙ БАЛ В
КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ**

«Автор»

2024

Ткачук Т.

Снежный бал в королевском дворце / Т. Ткачук — «Автор»,
2024 — (Мир Дарион)

Столица королевства гудит в возбуждении – Его Величество издал указ о проведении Снежного бала, на который будут приглашены только знатные аристократические семейства. Юная Жанин узнаёт об этом лишь тогда, когда родители отправляют за ней карету – целую неделю воспитанница Пансиона благородных девиц проведет дома на ежегодных каникулах, приуроченных к празднованию Наступления Зимы. Кто же знал, что в этом году всё пойдет не так... От автора: еще одна история по Миру Дарион, совершенно отдельный, самостоятельный однотомник, связанный с другими книгами серии только общим миром.

© Ткачук Т., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	33
Глава 14	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Ткачук

Снежный бал в королевском дворце

Глава 1

Всю последнюю неделю накануне наступления Зимы столица Пари́зии Марлезон непрерывно гудела и жужжала, точно разворошённое осиное гнездо. Во всех домах, лавочках и салонах обсуждалась лишь одна новость: Его Величество, король Марлон V издал указ о проведении во дворце Снежного бала – одного из главных Зимних событий.

Эта новость муссировалась даже в закрытом Пансионе благородных девиц, где последние пять лет воспитывалась Жанйн. Правда, слухи о предстоящем событии передавались девушками друг другу в строжайшей тайне, шепотом, в спальнях, когда уже были потушены все светильники, и пансионеркам надлежало засыпать в своих кроватях.

Как обычно бывало каждый год в это время, последние дни воспитанницы одна за другой покидали пансион и в каретах, присланных родителями, отправлялись по домам, окрыленные возможностью на целую неделю забыть о строгих правилах, царивших в этом заведении.

Считалось, что Королевский столичный пансион, которым вот уже много лет руководила сьера (*обращение к замужней женщине в Пари́зии*) Марйн Фрукé – лучшее заведение подобного толка для юных девушек из знатных семейств, и попасть туда – большая удача для каждой молодой сэры (*обращение к молодым незамужним девушкам*). Мнения самих девушек, конечно, никто не спрашивал, однако, они многое могли рассказать о нравах, царивших в Пансионе, и о железной дисциплине, насаждаемой директрисой.

Но, как бы то ни было, сейчас Жанин, с легким сердцем покинув пансион, катила в отцовской карете по дороге в направлении столицы, закутанная в теплую серую шубку, наверняка, положенную мачехой вместе с другими вещами.

Девушка ехала и радовалась тому, что увидится с семьей и хотя бы несколько дней проведет в спокойной обстановке, когда не нужно каждую минуту «держать лицо», тянуть спину и просто не выделяться ничем среди прочих.

Когда-то давно Жанин прочитала старую сказку о девушке-сироте, у которой была злобная мачеха и не менее злые сводные сестры – те всячески третировали бедняжку и заставляли выполнять самую грязную работу по дому. Однако, в конце концов, героине повезло, и зло было наказано. Справедливость восторжествовала.

У Жанин ситуация была не столь плачевная. Правда, ее родная мама умерла, когда девочке было всего десять лет. Отец, господин Рожé Вийбн, секретарь столичного Королевского суда, почти три года не мог оправиться от потери любимой жены. Но время немного притупило его горе, да так, что на четвертый год он женился на некоей вдове, уже имевшей собственную дочь, на пару лет младше Жанин.

Сьера Клодэтт была самой обыкновенной женщиной, может быть, только чуть больше других дам любившая наряды и богатство, да еще и стремившаяся к установлению полезных связей с полезными людьми. Вероятно, она посчитала, что секретарь Королевского суда – вполне подходящая пара для не слишком знатной и богатой вдовы, а поэтому очень ловко провернула всё так, что вскоре Роже оказался женатым во второй раз.

Надо все же отдать должное мачехе – к падчерице она относилась вполне терпимо, не особо выделяя собственную дочь, которая была немного болезненна и слаба. Однако едва Жанин исполнилось четырнадцать лет, Клодэтт смогла убедить мужа, что девочке просто необходимо воспитываться в Пансионе благородных девиц: ведь «дорогой супруг» желает, чтобы

старшая дочь сделала хорошую партию, выйдя замуж за достойного жениха, а для этого она и сама должна отвечать требованиям к «хорошей жене».

Роже согласился с супругой, и Жанин уехала из родного дома, появляясь там с тех пор только на каникулярную праздничную неделю, выпадавшую на наступление Зимы. И даже о появлении у нее младшего брата Жанин узнала из письма, отправленного отцом в Пансион.

И вот уже пять лет девушка постигала науку ведения домашнего хозяйства, управления слугами, а также этикет, игру на спинете (*Спинет – небольшой домашний клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина. Внешне спинет немного похож на рояль. Он представляет собой корпус, стоящий на четырех подставках. Имеет 3-6-угольную трапециевидную или овальную форму*) и различные виды дамского рукоделия.

В Пансионе преподавали также всемирную историю, каллиграфию, математику и один из иностранных языков. Сейчас это был русский. И Жанин, у которой была явная склонность к лингвистике, уже вполне бегло болтала на нем.

Пансион располагался за городом, в нескольких лье от Марлезона, и ехать предстояло не меньше пары часов. Но девушку это не напрягало. Радостная от того, что удалось вырваться из закрытого заведения, Жанин сначала с интересом смотрела в маленькое окошко в дверце кареты. Однако ничего особо примечательного, кроме снежного поля, протянувшегося в обе стороны, сколько хватало глаз, с изредка встречавшимися рощами, деревья в которых в эту пору были голыми и совсем не радовали взгляд, в окружающем пейзаже не было. И вскоре юная путешественница задремала, благо, в экипаже было тепло – благодаря согревающему артефакту, закрепленному в специальной кованой решетке на стене кареты.

Она заснула так крепко, что и не заметила, как карета въехала в столицу и, миновав предместье, направилась ближе к центру, туда, где располагался особняк семейства Вийон. И внезапно была резко вырвана из объятий сна, когда раздался оглушительный удар, за которым последовал рывок, и ничего не понимающая спросонья Жанин почувствовала, что ее куда-то тащит, затем бросает на боковую стенку кареты, которая непонятным образом оказалась внизу. Страшный скрежет, еще один удар – и девушка больно приложилась коленями к обшивке экипажа, а после этого упала еще и на плечо, застонав от пронзившей тело боли.

Глава 2

Снаружи слышались громкие встревоженные голоса, крики, но она продолжала лежать неподвижно, боясь пошевелиться и обнаружить, что сломала себе руку или ногу. Вот послышался еще один мужской голос, глухо спросивший: «Сколько людей в карете?» И голос кучера, ответивший ему что-то невнятно.

А потом карета как-то спружинила, и через минуту дверца, по счастливой случайности оказавшаяся сверху, распахнулась. Темный силуэт в плаще и шляпе заглянул внутрь, и мужчина спросил:

– Сударыня, вы в порядке?

– Н-не знаю... – выдохнула Жанин и слегка пошевелилась. Боли вроде не стало больше, а, значит, можно было попробовать подняться, что тут же и предложил ей незнакомый спаситель.

– Сьэра, – начал было он, но увидел, что пассажирка кареты совсем юная, и исправился. – Сэра! Попробуйте осторожно подняться на ноги. Я постараюсь вытащить вас из экипажа!

Жанин послушалась и вскоре стояла на ногах, упираясь в стенку кареты. Мужчина протянул ей руки:

– Обопритесь о мои плечи, сударыня!

Сам же обхватил руками ее талию и сильным рывком вытащил девушку наружу. Осторожно приобняв ее, ловко спрыгнул на заснеженную дорогу и только потом опустил спасенную на землю. Жанин украдкой взглянула в лицо спасителя. Он был молод, темноволос и довольно симпатичен. Черные глаза посмотрели на девушку с вежливым интересом, а потом он промолвил:

– Вам лучше отойти сейчас в сторону, сэра! Мужчины постараются поднять ваш экипаж!..

– Хорошо, – ответила она и пошла прочь от кареты, одновременно осматриваясь по сторонам.

И поняла, что каким-то образом две кареты столкнулись на городской улице. Удар был столь силен, что ее экипаж просто перевернулся на бок. Сейчас вокруг потерпевших аварию суетились люди, что-то обсуждали. Вот молодой мужчина в темном плаще с меховой накидкой, найдя глазами спасителя Жанин, махнул ему рукой в перчатке и крикнул:

– Бастьён! Всё готово! Можно начинать!

Тот кивнул и направился к группе мужчин. Общими усилиями они оттащили в сторону вторую карету, которая пострадала менее, разве что лошади перепугались так же, а после этого все они, как трудолюбивые муравьи, облепили опрокинувшийся экипаж и, действуя медленно, но верно, поставили его на колеса.

Жанин округлившимися глазами наблюдала эту сцену, не замечая, что на зимнем морозце начали зябнуть пальцы – покидая карету, она и не вспомнила о меховой муфточке, оставшейся внутри.

Все тот же молодой мужчина, когда всё было закончено, подошел к ней:

– Готово, сэра! Вы можете смело возвращаться в свой экипаж! – и тут заметил ее покрасневшие пальчики. – О! Ваши руки! Вероятно, замерзли?

– Ничего, – ответила она. – В карете есть муфта – согреюсь! А... Как так случилось? Почему кареты столкнулись?

– У второго возницы внезапно понесли лошади, наверное, испугались чего-то, он не сумел справиться с ними... И вот! Произошло столкновение. Хорошо, что вы не пострадали!

– А люди во второй карете? – с замиранием сердца спросила девушка.

– Отделались легким испугом, – слегка усмехнувшись, ответил незнакомец.

И в эту минуту его снова окликнул тот самый второй мужчина:

– Бастьен! Пора! Поторопимся!

– О, мой друг, как всегда, прав! Что ж, юная сэра, позвольте откланяться! Мне, и правда, пора! Рад, что вы не пострадали! Прощайте! Веселого праздника!

– Спасибо! Веселого праздника! – автоматически отозвалась она, наблюдая, как незнакомец широкими шагами удаляется, как подходит к своему спутнику, удерживающему поводья двух холеных жеребцов, а затем взлетает в седло, и оба пускают скакунов с места в галоп, вскоре исчезнув в конце улицы.

Жанин потеряла ладонью ушибленное плечо и, вздохнув, пошла к своей карете, рядом с которой уже виновато топтался кучер. Увидев девушку, он кинулся к ней:

– Сэра Жанин! Простите, что так получилось!..

– Не будем терять напрасно время, – остановила она его сбивчивую речь. – Едем домой! Там, наверное, уже заждались меня!..

– Да-да, конечно! – заторопился возница, предусмотрительно открывая перед девушкой дверь кареты.

Жанин уселась на диванчик, и дверца захлопнулась, а вскоре после этого она почувствовала, что экипаж снова движется.

Дальнейший путь прошел без всяких происшествий. И вот уже Жанин стояла перед родным домом – аккуратным двухэтажным особняком, выстроенным в лучших традициях парижской архитектуры. В широком холле на первом этаже ее встретил дворецкий, который служил Вийонам вот уже много лет, выражая искреннюю радость от встречи с родной дочерью хозяина.

А вскоре девушка попала в жаркие объятия сводной сестры. Эстэль, как яркий легкий мотылек, вилась вокруг Жанин и без умолку щебетала о том, как она рада, что сестра, наконец-то, приехала домой, ведь у нее накопилось столько важных новостей!

Криспйн, серьёзный пятилетний мальчуган, терпеливо стоял в сторонке, ожидая, когда сестра выразит свои восторги по поводу приезда старшей, и Жанин, заметив это, сама раскинула в стороны руки и ласково улыбнулась:

– Братец! Иди же, я обниму тебя!

Он подошёл с достоинством, которое подошло бы скорее взрослому человеку, и прижался к сестре:

– Здравствуй, сестрица Жанин! Я рад, что ты приехала!

– Я тоже очень рада, мой хороший!

Но тут мачеха прервала их:

– Дети! Хватит держать сестру у двери! Жанин, добро пожаловать домой!

– Здравствуй, матушка! – улыбнулась она женщине, а та уже командовала:

– Гриё, заberi шубку и капор сэры Жанин, а ты, девочка, ступай в свою комнату – освежись и переоденься. Я пошлю к тебе горничную! Заодно и распорядюсь, чтобы подавали обед! Ты немного задержалась, Жанин! Мы ждали тебя раньше! Что-то случилось?

– Я все расскажу чуть позже, матушка! – пообещала девушка.

– Сестра, я пойду с тобой! – решила Эстэль.

– Только не слишком забалтывай сестру! – строго сказала мачеха.

– Мама, а я пойду с вами, – сказал мальчик и последовал за Клодетт.

Сестры поднялись по широкой лестнице на второй этаж, где располагались личные комнаты обитателей особняка. Там девушек встретила служанка, уже готовившая свежее платье для старшей, взамен пансионатского серого платья с глухим белым воротничком.

Эстэль, потребовав от сестры рассказать в подробностях, как проходила весь этот год ее жизнь в Королевском Пансионе, плюхнулась на мягкий диванчик и приготовилась ждать возвращения Жанин из ванной комнаты.

Глава 3

Вскоре почти вся семья собралась за длинным столом в просторной обеденной зале. Не хватало только самого главы семейства – сьера (*обращение к мужчинам в Парижи*) Роже, и то, только потому, что в это время суток он обычно находился на службе в Королевском суде.

Домашние расспрашивали Жанин о ее жизни в пансионе. Девушка отвечала довольно уклончиво, не особо вдаваясь в подробности. Однако на вопрос мачехи, почему же падчерица задержалась с возвращением домой, ей пришлось рассказать и об аварии на столичной улице и о том, как ее спасители помогли поднять карету.

Эстэль, расширив и без того большие карие глаза, охала и ойкала, прижав тонкие пальцы к щекам, слушая рассказ сводной сестры. Сьера Клодетт же покачала неодобрительно головой, увенчанной сложной прической, и проворчала:

– Безобразие! Что творится! И это в столице – самом сердце Парижи! Но, слава Пресветлым богам, что ты не пострадала, девочка!..

После этого обед протекал в спокойной обстановке, а затем сводные сестры уединились в комнате Жанин, и там Эстэль, наконец, посвятила старшую в последние столичные новости и сплетни.

Вечером же, когда вернулся со службы отец, и все уселись ужинать, господин Роже сообщил домашним главную новость, встреченную с бурным восторгом: в этом году семья Вийон удостоилась чести быть приглашенной на Снежный бал. И приглашение уже было вручено сегодняшним днем особым посыльным, которые каждый год назначались специальным указом Его Величества для выполнения этой важной миссии.

Отец с гордостью продемонстрировал семейству прямоугольный голубой конверт, в котором и находилось само приглашение. Увидев заветный прямоугольник картона, семнадцатилетняя Эстель восторженно ахнула, приложив руки к груди, карие глаза ее радостно заблестели. Причина этого была проста: на Снежном балу могли появляться девушки из аристократических семейств, которым на момент праздника уже было семнадцать лет. Значит, в этот единственный раз, когда их пригласили, Вийоны могут появиться на балу в полном составе, не считая, конечно, малыша Криспина.

Жанин обегала глазами лица домашних: восторженное и до конце еще не поверившее – Эстель, полное удовлетворения худое лицо мачехи и гордое – господина секретаря. И никак не могла решить – какое чувство эта новость вызывает лично у нее, Жанин. Потому что еще никогда она не бывала не то, что на Снежном балу, но и в самом королевском дворце.

А мачеха с дочерью уже наперебой рассуждали о том, что это такое счастье – попасть на бал, и они должны выглядеть безупречно, чтобы не казаться деревенскими простушками на фоне остальных приглашенных дам.

– Дорогой супруг! Вы же не будете против, если мы все закажем себе новые бальные туалеты? – заискивающим тоном обратилась Клодетт к мужу.

Тот беззлобно усмехнулся и ответил:

– Конечно, нет, дорогая! Я тоже желаю, чтобы мои близкие блистали там!

– К тому же, дорогой, – продолжала мачеха, – Снежный бал – прекрасное место, чтобы найти девушке достойного мужа! Я говорю о нашей Жанин, – посмотрела многозначительно на падчерицу. – Девочка весной выпускается из Пансиона. К тому времени хорошо бы уже определиться с ее будущим!

Жанин промолчала на эту реплику, да ее слов никто и не ждал. А отец промолвил, покачивая головой:

– Дорогая, девочке всего девятнадцать лет. Куда торопиться? В таком деле спешка может только навредить.

– Но вы же знаете, мой дорогой, что на Снежном балу это обычная практика! – не отступала Клодетт.

Однако супруг был непреклонен:

– Я-то знаю! Но насильно выпихивать девочку замуж, лишь бы выдать – мы не будем! И это мое последнее слово! – с нажимом добавил он, и женщина поняла, что далее давить не стоит. Вместо этого она вновь повернула разговор к теме предстоящего бала, уточнив у мужа, когда будет бал. Услышав от господина секретаря, что через четыре дня, заохала и заохала – времени на то, чтобы сшить три новых бальных платья, оставалось катастрофически мало! А ведь еще и нужен был новый фрак для главы семейства. Муж принялся успокаивать ее, говоря, что если она пригласит нескольких модисток, то те всё успеют сделать к нужной дате. Сошлись на том, что завтра же Клодетт пригласит к ним домой столичных швей, дабы определиться с выбором ткани и фасона будущих нарядов.

После ужина отец предложил старшей дочери разместиться в одной из небольших уютных гостиных, которых в просторном особняке было несколько, и пообщаться – всё-таки они не виделись уже очень давно. Эстель и маленький братик разошлись по своим комнатам, а Клодетт расположилась за секретером в своем будуаре, намереваясь написать письмо нескольким столичным модисткам, с тем, чтобы с самого утра отправить его со слугой адресатам. Авось удастся заполучить себе хотя бы трёх!

– Девочка моя, ты стала совсем взрослой, – сказал Роже, ласково глядя на белокурую и голубоглазую Жанин, и добавил с легкой грустью. – И еще больше стала похожа на свою мамушку! Расскажи мне, дитя, как тебе живётся в пансионе. Там не обижают тебя? Всё ли хорошо?

Дочь его благоразумно не стала откровенничать, рассказывая правду о том, какие строгие правила царят внутри заведения, какая железная дисциплина определяет любые поступки девушек-пансионеров.

Вместо этого она заговорила о том, как много полезного для дальнейшей жизни дают воспитанницам, как им прививают основы этикета, учат вести хозяйство и обучают наукам и искусствам. Роже согласно кивал в такт словам девушки и, похоже, в очередной раз только еще больше уверился, что решение отправить дочь в Королевский пансион было верным.

Но вот он начал зевать, деликатно прикрывая рот ладонью, и, заметив это, Жанин сказала:

– Папенька, может быть, мы пойдем отдыхать? У вас был насыщенный день на службе...

– О да! – тотчас же согласился мужчина. – Да ведь и ты с дороги, малышка моя! А завтра предстоит еще вся эта суматоха с нарядами! Но я очень рад, что в этот раз, когда мы получили приглашение от Его Величества, ты тоже будешь с нами! И кто знает? Может быть, именно на балу ты встретишь того, кто станет совершенно особенным человеком для тебя!

Жанин улыбнулась, сомневаясь, что именно так и будет, и сказала:

– Доброй ночи, отец! Позвольте мне удалиться?

– Да, ступай, моя милая! – махнул он рукой. Девушка вскочила с софы, на которой сидела рядом с отцом, и, сделав изящный реверанс, поцеловала отца в щеку и отправилась в свою комнату.

Там служанка уже приготовила постель, и тончайшая батистовая сорочка лежала поверх одеяла, дожидаясь свою хозяйку. Девушка освежилась в небольшой ванной комнате и, переодевшись, с наслаждением вытянулась во весь рост на мягкой постели, подумав, что узкие кровати в Пансионе никогда не были и вполнину так удобны, как ее девичья постель в родительском доме.

Глава 4

Наутро ее разбудили довольно рано, но для Жанин это было привычно: воспитанниц в Пансионе будили в пять утра. Поэтому девушка успела-таки как следует выспаться и проснулась в отличном настроении, предвкушая, как сегодня будет выбирать фасон для нового бального платья.

Быстро освежившись и переодевшись в легкое домашнее платье, девушка спустилась в столовую залу, где уже находилось всё семейство. Господин Роже торопливо завтракал, спеша отправиться на службу в Королевский столичный суд, Эстель, позёывая, лениво ковыряла серебряной ложкой в тарелке с овсяной кашей, и только Кристин, как обычно, был спокойным и сосредоточенным и методично поглощал свой завтрак, запивая его теплым молоком.

Клодетт, завидев падчерицу, замахала ей ладонью:

– Давай, давай скорее, Жанин! Садись к столу! С утра я отправила слуг с письмами к столичным модисткам, и, по счастью, три из них написали ответ, дав согласие прибыть сегодня к одиннадцати утра в наш дом! Дорогой, на какой бюджет я могу рассчитывать? – посмотрела она на супруга.

Тот спокойно ответил:

– Насколько хватит вашей фантазии, моя дорогая! Все расходы записывайте на мой счет! Что ж, мои милые, мне пора! – заметил он, откладывая в сторону льняную вышитую салфетку, которую заправлял за шейный платок, дабы не испачкать мундир судейского чиновника, и вставая из-за стола.

Подошел поочередно ко всем трем детям, поцеловав их в макушки, чмокнул супругу во впалую щеку и, промолвив: «Хорошего дня, мои дорогие!», покинул трапезную.

Оставшееся семейство закончило завтрак, после чего Клодетт отправила сына в его комнату играть, а девушкам наказала быть наготове, чтобы, когда придут швеи, не терять напрасно ни одной лишней минутки.

В назначенный срок прибыла сначала одна мастерица, а почти вслед за ней и две других. Мачеха радушно встретила их и, проведив в большую семейную гостиную, отправила служанку позвать обеих девушек.

Модистки, поначалу настороженно посматривающие на конкуренток, вскоре объединились и живо обсуждали фасон и украшения для каждого из трех платьев. Девушки были вовлечены в настоящий круговорот, переходя от одной мастерицы к другой, а если учитывать, что каждая прибыла с двумя помощницами, да Клодетт еще и привлекла к делу своих горничных, то компания получилась большая, пестрая и весьма шумная. Так что у Жанин, привыкшей к чопорной тишине Пансиона, в конце концов, разболелась голова. Но девушка стоически терпела это неудобство ради того, чтобы получить новое роскошное платье.

Было решено шить его из мягкого, поблескивающего бледно-голубого атласа. Открытые, однако же, в рамках приличий, плечи, тонкая талия и пышная, словно сказочный цветок, юбка, колышущаяся при каждом движении – вот что пообещала доставить через пару дней одна из модисток.

На снежный бал было принято надевать наряды холодных «зимних» цветов – белого, голубого, серо-голубого и разной насыщенности синего. Для молодых девушек предпочтительны были светлые, нежные оттенки, взрослым дамам разрешалось надевать даже синие платья.

Эстель, как самой юной, решили шить белое платье, а Клодетт выбрала синий цвет.

Отец оказался прав: с самого утра в гостиной царила страшная суматоха и кутерьма. Зато, когда швеи, забрав все выбранные материалы и пообещав управиться с нарядами за два дня, отбыли в сопровождении помощниц, в особняке, наконец, наступила блаженная тишина.

Однако, возбужденно поблескивающую карими глазами Эстель вся эта суета, похоже, нисколько не напрягала.

Жанин же чувствовала себя опустошенной, словно модистки выпили все ее жизненные силы.

Мачеха, заметив состояние девушки, поинтересовалась у нее, как та себя чувствует, и, получив невнятный ответ, скомандовала:

– Так, голубушки мои! Давайте-ка попьем чаю, а потом вы отправитесь на прогулку. Следует подышать свежим воздухом! Тем более, сегодня, как сообщил мне дворецкий, погода вполне подходящая для этого.

– Маменька! – тут же воскликнула резвушка Эстель. – А можно нам заглянуть в кондитерскую сьеры Жандирэн? В прошлый раз, когда мы с вами были в гостях у сьеры Бардб, Марйса хвасталась, что пробовала там новые пирожные!

– Кто такая Мариса? – шепотом поинтересовалась Жанин.

– А, это дочь маминой подруги, – отмахнулась младшая и, умильно захлопала черными ресничками, глядя на мать. – Можно, маменька? Пожалуйста, пожалуйста! – и сложила перед собой узкие ладошки.

Жанин еще помнила, как несколько лет назад сводная сестра была слабым, болезненным ребенком, родители старались не напрягать ее лишним раз. А потом как-то так случилось, что за последние полтора года Эстель выросла, окрепла и превратилась в живую юную девушку, яркую брюнетку. Куда исчезла ее болезненность и слабость – было загадкой для окружающих. Но, во всяком случае, теперь, выздоровев, младшая сестра старалась полными горстями черпать все радости жизни, даже самые простые и незамысловатые.

Она не превратилась в капризную вредину, а потому родители выполняли ее желания, если те, конечно, не шли вразрез с правилами приличия и безопасностью девушки.

Поэтому сейчас мать вполне спокойно отнеслась к ее просьбе, только ненадолго задумалась, а потом сказала:

– Двум столь юным сэрам неприлично бродить по столице без сопровождения!

– Но маменька! – попыталась было возразить Эстель, но сьера Клодетт строго прервала ее:

– Нет, дочь моя, и даже не спорь! Мне некогда сопровождать вас, однако скажу Гастону, чтобы присмотрел за вами!

Младшая нахмурила было темные бровки, однако потом недовольная гримаска исчезла с ее подвижного личика, и Жанин вдруг подумала, что сестра не иначе, как что-то задумала. Впрочем, девушка сделала вид, что ничего не заметила, и пошла в свою комнату, чтобы надеть теплое белье, вязаные толстые чулки, плотные нижние юбки и платье из теплой шерсти – на улице все же стоял морозец.

Вскоре сестры были готовы к выходу. Грие подал им шубки и капоры с меховой оторочкой, а крепкий Гастон, мощная фигура которого не давала сомнений в том, что он позаботится о безопасности юных хозяек, уже ждал девушек в просторном холле первого этажа. Клодетт распорядилась запрячь лошадь в карету – не пристало дочерям господина секретаря Королевского суда ходить по улицам пешком. Напоследок она вручила каждой девушке небольшой бархатный кошелек, наказав опасаться городских воришек, дабы не лишиться карманных денег.

– Можете потратить содержимое кошельков по своему усмотрению, девочки! – завершила она напутственную речь.

И вот, наконец, обе юные сэры вышли на широкое и высокое крыльцо, зажмурившись от ослепительно яркого солнца, отражавшегося от белоснежного холодного покрывала, свежим слоем укрывшего большую поляну перед особняком и подъездную дорожку, которую с утра уже успел расчистить дворник. Экипаж стоял неподалёку, готовый везти молодых хозяек, куда они пожелают. И через несколько минут Гастон, распахнувший дверцу кареты и помогший

девушкам разместиться внутри, уселся на козлы рядом с кучером, и экипаж двинулся к оживленной городской дороге, по которой в обоих направлениях непрерывным потоком двигались кареты знатных столичных обитателей.

– Сестрица, я так рада, что матушка позволила нам выбраться из дома! Наконец-то я смогу попробовать те восхитительные пирожные, которые так нахваливала эта зазнайка Мариса! – и она наморщила острый носик, чуть вздёрнутый вверх, давая понять, что эта неизвестная Жанин Мариса вовсе не вызывает у нее особого восторга.

В ответ старшая только легко улыбнулась и пожала плечиками.

Глава 5

Кондитерская сьеры Жандирэн называлась «Кокетка». Жанин затруднилась провести хоть какие-то ассоциации, но потом бросила напрасно ломать голову. Карета остановилась перед самым входом, Гастон открыл дверцу и помог сестрам выйти на дорожку, тщательно расчищенную от снега и вымощенную серыми плоскими камнями, и спросил, следует ли ему войти внутрь, сопровождая хозяек. Однако Эстэль решительно отказала ему, объяснив это тем, что в модной кондитерской не может быть ничего опасного даже для таких, как они с сестрой.

Жанин мягко добавила, что долго они не задержатся, так что Гастон и кучер не успеют даже замерзнуть. И девушки, как две легких птички, впорхнули в ароматное тепло просторного помещения. Заливистый звон серебряного колокольчика над дверью возвестил о новых посетительницах. Сестры зашли и с любопытством начали осматриваться. В кондитерской было довольнолюдно – за маленькими квадратными столиками, покрытыми белыми скатертями с ажурной каймой сидели посетители. Многие лакомились какими-то крошечными не то тортами, не то пирожными, другие пили чай или ставший в последнее время очень распространенным в Паризии, а в особенности, в Марлезоне, необычный напиток, называемый каввой, сырье для изготовления которого привозили из далёкой жаркой Бхараты.

– Благородные сэры! – раздался нежный женский голос, и обе заметили за прилавком молодую женщину в скромном платье, белоснежном фартуке с кокетливой оборкой и такой же идеальный чепчик, прикрывающий темные волосы незнакомки. – Добро пожаловать в кондитерскую сьеры Жандирэн! Мы всегда рады посетителям!

– Здравствуйте, сэра! – первой поприветствовала ее Эстэль, подходя к прилавку. – Мы наслышаны о ваших прекрасных пирожных и горим нетерпением попробовать их!

– О, прошу вас, юные сэры! – разулыбалась служащая. – Позвольте, я провожу вас к свободному столику, где вы сможете снять шубки и расположиться с удобством!

И она повела девушек за собой, обходя столики, за которыми сидели посетители. У самого окна было свободное место, туда продавец их и привела.

– Присаживайтесь, а я пока назову вам, что сегодня в нашем меню.

Сестры быстро помогли друг другу снять шубки и капоры и сложили их на неширокой скамеечке, стоявшей у стены. Служащая терпеливо дождалась, когда девушки усядутся, и проговорила:

– Наша кондитерская сегодня предлагает гостям несколько видов выпечки, наши популярные пирожные и торты, а также – заварные кремы, мороженое и на выбор – чай, морсы, соки или кавву! Что пожелают заказать сэры?

– Ой, Жанин! Я никогда не пробовала кавву! – простодушно воскликнула младшая. – Давай возьмем ее?!

– А молодым девушкам прилично пить кавву? – с сомнением спросила Жанин и получила в ответ легкую улыбку от служащей.

– Кавва – это просто горячий напиток, такой же, как чай или травяной отвар. В нем нет ничего из того, что могло бы повредить здоровью юных девушек. Но позвольте тогда, коль вы хотите заказать кавву, посоветовать вам взять к ней особые, бхаратские сладости – они только оттенят вкус напитка.

– И обязательно ваши самые лучшие пирожные! – воскликнула Эстэль. – По одному мне и сестре! А лучше – по два разных!

– Не увлекайся, Эстэль, – остановила сестру старшая. – Давай начнем с чашки каввы и с одного пирожного! Ну, и немного тех сладостей, пожалуйста, сэра, о которых вы упомянули!

– Как пожелаете, сударыни! Сейчас же всё прикажу помощнице всё вам подать! – служащая слегка присела и отправилась на свое место. К ней тотчас же подошла девушка в таком

же фартуке и чепце, и главная что-то негромко ей сказала. Девушка кивнула в ответ и скрылась за неширокой дверью, ведущей в другое помещение. Вскоре она показалась оттуда, держа обеими руками круглый металлический поднос, на котором стояли две невысоких пузатеньких чашки и два блюдца, на которых возвышалось что-то яркое и воздушное. Кроме того, на подносе возвышалась стеклянная вазочка на тонкой ножке, в которой лежали полупрозрачные разноцветные кубики чего-то непонятного.

Разносчица подошла к столику сестёр и, поприветствовав девушек, ловко начала расставлять перед ними чашки и блюдца. Последней водрузила в центр стола вазочку, положила на краешек каждого блюдца по маленькой ложечке и, присев в книксене, пожелала посетительницам приятного времяпрепровождения в их заведении, после чего упорхнула, унеся и поднос.

Эстэль жадно разглядывала пирожное на блюде перед ней, а потом выдохнула:

– Ах, какая красота! А как пахнет!

Схватила ложку и нетерпеливо вгрызлась ей в кремовый цветок, ловко отделила часть его и, положив в рот, блаженно зажмурилась:

– М-м-м! Это божественно, клянусь, Жанин! Ты только попробуй!

Сестра ее молча усмехнулась и, пододвинув к себе чашку с темно-коричневым напитком, от которого шел пар и исходил странный, непривычный, горьковатый аромат, вдохнула этот запах, щекочущий нос. Взяла чашку за тонкую изогнутую ручку и, поднеся к губам, вдохнула снова, а затем осторожно прикоснулась к самому краю чашки, делая маленький глоток.

– О-о-о... – только и сказала она, не в силах описать свои ощущения.

– Что там? Что? – тут же любопытствовала Эстэль и тоже отпила из своей чашки, после чего непроизвольно сморщилась. – Фу! Горько!..

– Тише! – шикнула старшая. – Не шуми так! Это неприлично!

– Но как ты это пьешь? – снова поморщилась брюнеточка. – Горечь же невыносимая! Уж лучше бы я взяла чай или морс!..

– А ты вспомни, что говорила та сьера: кавву надо употреблять с этими заморскими сладостями! – с этими словами девушка подцепила ложечкой из вазочки ярко-красный кубик и положила в рот, и сразу же сделала еще один глоток коричневого напитка. – М-м-м! – протянула она удовлетворенно. – Совсем другое восприятие!

– Дай-ка и мне! – решила Эстэль и последовала примеру сводной сестры. – О! И правда, теперь кавва уже не кажется такой горькой!

– Ну, вот! – весело ответила Жанин. – Я думаю, и с пирожным будет так же вкусно!

И девушки принялись уплетать сладости, негромко болтая о разных вещах. Они уже расправились со своими пирожными и заканчивали заморскую сладость, когда Жанин, сидящая лицом к залу, заметила, что прямо к их столику направляется какой-то человек в плаще и шляпе.

Глава 6

Что-то в фигуре и одежде мужчины показалось ей знакомым, а когда он приблизился, девушка поняла – это был он, ее вчерашний спаситель, которого приятель называл «Бастьен». Жанин недоумённо хлопала ресницами, наблюдая за приближением молодого мужчины, который целенаправленно шел именно к ним с сестрой.

А тот, подойдя, поклонился и улыбнулся:

– Юная сэра?! Вот так встреча! Позвольте приветствовать вас, дамы!

– Здравствуйте! – неловко откликнулась Жанин, а Эстэль всем корпусом повернулась к подошедшему и с любопытством уставилась на него блестящими темными глазами, опущенными пушистыми ресницами.

– Сьер?..

– Э... Подошел засвидетельствовать вам свое почтение и узнать, благополучно ли вы вчера добрались до места в своем экипаже? Не случилось ли по дороге еще каких неприятных происшествий?

– Н-нет, благодарю вас, сьер... – покачала она головой, а мужчина подхватил.

– ...Бастьен! Можете звать меня просто Бастьен! – снова улыбнулся он, демонстрируя ровные белоснежные зубы.

– Бастьен! Идем же! – послышался другой мужской голос, в котором явственно звучало нетерпение, но тот не отреагировал, а вместо этого махнул рукой, подзывая своего спутника.

– Ром! Иди сюда! Скорее!

Жанин посмотрела на того, кого он звал, и узнала в нем приятеля Бастьена, который вчера так же помогал поставить на колеса опрокинувшуюся карету Жанин. Однако, несмотря на то, что он, похоже, был не слишком доволен задержкой, поклонился сестрам довольно учтиво.

Бастьен же посмотрел поочередно на одну сестру, на другую, и поинтересовался:

– Юные сэры пришли в кондитерскую полакомиться пирожными сэры Жандирэн?

– Да! – смело ответила Эстэль. – А благородные сэры тоже любят сладости?

На это темноглазый Бастьен весело рассмеялся:

– О да, сударыня! Вы нас подловили! Позвольте представить: мой друг Жером. А меня, как вам уже известно, зовут Бастьен! Вы, сэра, пришли сегодня, вероятно, со своей прелестной подругой?

Старшей сестре ничего не оставалось, как представить молодым господам сводную сестру:

– Это моя сестра Эстэль!

Та протянула руку сначала одному, затем второму мужчине, которые церемонно прикоснулись губами к узкой девичьей кисти. После этого бархатный взгляд темно-карих глаз остановился на Жанин:

– Юная сэра?.. А как зовут вас?

– Жанин... – немного растерянно произнесла она. – Жанин Вийон!..

И смотрела, как молодой мужчина берет ее руку и легко касается тонкой кожи губами – мимолетно, словно легкий ветерок пролетел, или же крыло бабочки задело кисть.

Жанин, конечно, все пять лет в Пансионе изучала этикет и знала, что, приветствуя даму, благородный аристократ может прикоснуться к ее руке, но сама подобного еще никогда не испытывала и почувствовала, как горячая волна опалила ее лицо. Она почти вырвала руку из теплых пальцев Бастьена, а он предпочел сделать вид, что не заметил ее смятения.

– Мы... уже собирались уходить! – быстро выпалила она, встретив удивленный взгляд сводной сестры. – Вот только заплатим за то, что заказывали... И пойдем!

– О! Позвольте мне сделать это для вас, сударыни!

– Но... Я не думаю, что это прилично, – пролепетала девушка.

– Отчего же?! Это такая малость!..

– Да, сестра! – слышался голос Эстэль. – Если сэр Бастьен хочет...

– Эстэль! – поражённо воскликнула Жанин. – Простите мою сестру, господа! Она воспитывается дома и не всегда понимает разницу между тем, что прилично, а что – не очень...

– Ну, отчего же, сэра Вийон! – раздался насмешливый голос приятеля Бастьена. – Мой друг может позволить себе заплатить за прелестных сэр! Не так ли, брат?!

– Жером! – бросил отрывисто брюнет, и что-то в его интонации было такое, что Жанин вскинула взгляд на лицо мужчины. – Лучше помогите юным сэрам одеться, пока я расплачусь! – и, не оборачиваясь, быстрым шагом направился к прилавку, за которым всё так же стояла сёра в белом фартуке.

– Эстэль, что ты творишь?! – прошипела Жанин, но та состроила невинную рожицу и пожала плечами.

Друг Бастьена произнес:

– Сэры, позвольте помочь вам?

И вскоре с его помощью девушки облачились в шубки и уже завязывали длинные ленты капоров, когда Бастьен вернулся к их столику и весело воскликнул:

– Ну, вот! Готово! Благородные сэры, позвольте проводить вас?

– Если только до нашей кареты, – милостиво согласилась Эстэль, и Жанин снова мысленно застонала – сестра совершенно не стеснялась этих незнакомых молодых мужчин и распорядилась ими, точно не раз уже проделывала подобное с аристократами.

Ей ничего не оставалось, как поплестись вслед за этой троицей к выходу. Она еще успела улыбнуться служащей, проходя мимо прилавка, и поблагодарить ее за чудесные пирожные и кавву. Та кивнула в ответ, пригласив заходить в «Кокетку» в любое удобное время.

Все четверо вышли на улицу, и Эстэль непринужденно махнула рукой в сторону кареты:

– Нам туда, сэры!

Все четверо подошли к экипажу, на козлах которого дожидались их слуги, и Гастон, увидев высоких незнакомцев, следовавших за его хозяйками, встрепенулся, соскочил на снег и повернулся к девушкам:

– Сэра Жанин! Все в порядке?..

И подозрительно оглядел обоих молодых людей. Однако тех ничуть не смутили взгляды какого-то слуги, потому что они сделали вид, что его не существует.

Жанин же ответила:

– Да, Гастон! Всё хорошо! Эти сэры просто провозжат нас до кареты!..

И повернулась к мужчинам:

– Господа! Благодарю, что проводили нас. Но теперь нам пора...

– Что ж... Было приятно встретиться вновь, – очаровательно улыбнулся Бастьен, после чего прикоснулся пальцами к полям шляпы, слегка приподнимая ее над головой.

Гастон тем временем открыл дверцу, и Эстэль, сделав книксен, что вероятно, послужило прощальным жестом сразу обоим мужчинам, полезла внутрь.

Жанин немного виновато улыбнулась:

– Прошу прощения, господа! Манеры моей сестры оставляют желать лучшего!

– Вы совсем не похожи с сестрой, – заметил Бастьен.

– У нас разные родители, – негромко сказала девушка. – Мы – сводные!

– Что ж, это многое объясняет!

– Прощайте, господа, нам, и впрямь, пора, – слегка поклонилась Жанин и полезла в карету.

– Я закрою дверцу, – сказал Бастьен, однако, Гастон так и продолжал стоять, не двигаясь с места, и тогда брюнет слегка повысил голос, в котором зазвучали командные интонации. – Любезный, ступай на облучок! Я позабочусь о юных сэрах!

– Это моя обязанность, благородный сьер, – спокойно, но решительно ответил слуга.

Бастьен хмыкнул, но ничего не сказал, лишь захлопнул дверцу, убедившись, что во время движения она не распахнется.

Слуга только потом занял свое место рядом с кучером, и карета тронулась, оставив за собой двух мужчин, один из которых смотрел вслед экипажу с непонятной задумчивостью, а другой – с явным недовольством.

– Ты с ума сошел, брат! Зачем было подходить к девчонкам?! Они ведь еще совсем зеленые!

– Эта блондиночка... Она показалась мне забавной!

– Прекращай! Мало тебе придворных дам, готовых на всё, и девочек из заведения Мамочки Лизетт?!

– С ними так скучно!..

– Ну, а Марсела?..

– Да что – Марсела?!

– Она вцепилась в тебя, как блоха в собачье ухо...

– Она ничего не добьется!

– Отец ведь снова поставил тебе условие?..

– Отстань, кузен! Пока смогу – буду сопротивляться...

– Гляди, чтобы не угодить в ловушку!

– Не стращай меня!

– Даже и не собирался!.. Но только Снежный бал совсем скоро... Как бы твой отец не пошел на крайние меры!

– Хватит!! Я сам разберусь со своей жизнью!!

– Да пожалуйста! Жизнь-то – твоя!

– Вот именно!..

Глава 7

Карета мерно двигалась по улицам столицы, и некоторое время внутри царило молчание. Но вот Эстэль, все эти минуты не спускавшая со сводной сестры темных, как вишенки, глаз, все-таки не выдержала. Каким-то свистящим шепотом она спросила:

– Жанин, что это было?..

– Ты о чем? – обратила на нее небесно-голубые глаза та.

– Кто были эти съеры?!..

– Просто съеры, – неохотно ответила девушка, вновь принимаясь смотреть в небольшое окошко в боковой стенке экипажа.

– Это ведь неправда! Ты сейчас лжешь мне, сестрица... Кто они? И кто этот красавчик, который первым подошел к нашему столику? Почему он просил называть его так фамильярно? Ты давно знакома с ним?

– Ах, Эстэль! Не говори чепухи! – недовольно нахмурила светлые брови старшая. – Ну, посуди сама! Как я могу быть с ними знакомой давно, если я лишь вчера приехала из Пансиона?!

– Тогда почему он вел себя так, словно хорошо знает тебя? – не унималась брюнеточка.

– Нет, Эстэль, ты всё неправильно поняла! Мы познакомились только вчера...

– О-о-о... – выдохнула восторженно младшая. – Расскажи, расскажи мне об этом! Пожалуйста! – затараторила девушка.

– Да тут нечего рассказывать, – покачала светлой головкой Жанин. – Я всё рассказала вам еще вчера. Ты же слышала о том, что на мою карету налетели, и она перевернулась на бок?

– Да-а... – замороженно выдохнула Эстэль.

– Ну, так вот, эти два съера были среди тех, кто спас меня и помог поднять карету!..

– О-о-о! Как романтично! И сегодня вы вновь встретились!

– Ничего романтичного, не придумывай, пожалуйста, – возразила блондинка. – И... Знаешь, что, сестрица?.. Я попрошу тебя не говорить об этой встрече матушке...

– Почему?! – подняла смоляные бровки младшая из девушек.

– Ей это может не понравиться... То, что к нам в кондитерской подошли два молодых съера... Боюсь, что в другой раз она просто никуда нас одних не отпустит...

– А-а-а... – протянула задумчиво Эстэль, вероятно, обдумывая сказанное сводной сестрой. И кивнула. – Ладно, я не буду ей ничего говорить! Только тогда давай попросим ее отпустить нас еще на городскую праздничную ярмарку! – и глаза юной сьеры загорелись азартом.

– На ярмарку? А когда она?

– Я думаю, что она вот-вот должна начаться. Обычно ее проводят в Зимние праздники. Надо просто уточнить у отца – он наверняка знает!

– М-м... Ну, я не уверена, что у нас получится, Эстэль. Не забывай, что через день привезут готовые наряды к Снежному балу... – с сомнением произнесла Жанин.

– Просто давай спросим у родителей, когда ярмарка, и уже тогда будем проситься на нее...

– Ну, поступай, как знаешь, – сдалась старшая.

И тут Эстэль снова заговорила:

– Сестрица, а тебе не показалось, что второй съер был не слишком доволен тем, что его друг подошел к нам?

– М-м-м... Возможно!.. Но он и в первую встречу не был особенно любезным со мной...

– А, может быть, он вообще такой бука? – рассмеялась вдруг Эстэль. – Но тоже красивый!.. Хотя съер Бастьен все-таки гораздо привлекательнее!.. И знаешь, почему-то мне его лицо показалось знакомым, кого-то напоминает...

– Думаю, тебе просто показалось, – успокоила ее Жанин.

– Да нет! – покачала головой младшая. – Я точно где-то видела его раньше...

– Ну, вполне возможно, что вы встречались где-то в городе – ты ведь не сидела безвылазно в доме весь этот год, пока я была в Пансионе...

– Не сидела, – пришлось согласиться брюнеточке. – Мы с маменькой иногда выезжали в гости к ее приятельницам, да и прогуливались в Королевском парке...

– Ну, вот, видишь! Чему же ты тогда удивляешься?..

Но еще до самого дома сводная сестра пребывала в задумчивости, словно пыталась решить в уме какую-то сложную задачу.

По возвращении домой девушки подверглись расспросам со стороны мачехи, и, надо отдать должное брюнеточке, она ни словом не обмолвилась о встрече в кондитерской. Лишь на все лады расхваливала сладости, которые удалось попробовать там сестрам.

А потом, невинно хлопая своими глазками-вишенками, плавно перевела разговор на Зимнюю ярмарку.

– А ведь и правда! – воскликнула сьера Клодетт. И обратилась к сидящему в кресле с газетой супругу. – Дорогой! А что в этом году с ярмаркой?

– Дорогая, ярмарка идет уже три дня, – ответил мужчина, не отрываясь от чтения.

– Как?! И вы все это время молчали?! Ах, Роже! Вы совсем не любите нас! – всплеснула руками мачеха.

– О! Не преувеличивайте, дорогая супруга!

– Нам необходимо побывать на ней! – решительно сказала Клодетт.

– Но у меня служба, – наконец, выглянул из-за газеты супруг и воззрился на жену.

– Что ж, в таком случае, мы отправимся туда без вас, сударь! Я и девочки с Криспином!

– Ну, пожалуйста, – кивнул господин секретарь. – Карета в полном вашем распоряжении!

– Решено! Так и сделаем!

– Ура! – захлопала в ладоши Эстэль.

А Жанин осторожно спросила:

– Маменька, а разве нам не нужно встретиться с модистками?

– Модистки приедут лишь послезавтра, – отмахнулась мачеха, – а на ярмарку мы успеем съездить завтра! Ты ведь хочешь посмотреть на все те чудеса, что там обычно показывают, мой мальчик? – обратилась она к сыну, который тихонько сидел на ковре и играл оловянными солдатиками.

Услышав вопрос матери, он поднял темноволосую голову и важно кивнул:

– Да, маменька! Хочу!

– И я тоже хочу! – снова захлопала порывистая Эстэль, так что губы Жанин сами собой растянулись в улыбке при виде столь ярких эмоций сводной сестры.

Было решено завтра же отправиться на ярмарку, которая обычно разворачивалась на центральной площади Марлезона, потому что там было достаточно места как для ярмарочных палаток и прилавков, так и для заезжих бродячих артистов и фокусников, которые обычно стекались в эти дни в столицу со всех концов Паризии, а то, бывало, и из соседних государств.

И, ложась в эту ночь спать в своей девичьей постели, Жанин представляла, как замечательно она повеселится на следующий день.

Глава 8

Наутро девушка проснулась от того, что в дверь ее осторожно поскреблась горничная Мартина, отправленная мачехой «разбудить молодую госпожу». Жанин вспомнила, что сегодня они поедут на Зимнюю ярмарку, и соскочила с кровати. Служанка уже входила, щебеча о том, что она поможет сэре Жанин выбрать платье для прогулки по городу и одеться.

Девушка хмыкнула про себя: в пансионе воспитанницам приходилось управляться с одеждой самим, никаких служанок для них там не предусматривалось. И, привыкнув почти за пять лет с этой самостоятельности, она готова была и в дальнейшем заботиться о себе сама. Однако совсем позабыла о том, что платья, которые было принято носить среди аристократов, несколько отличались по фасонам от простых серых одеяний пансионеров, хотя бы тем, что вся шнуровка у них была на спине. Вот тут-то и пригодилась ей помощь Мартины. А вскоре семейство Вийонов, как и каждое утро до этого, встретилось за столом в трапезной зале. Отец, как всегда, быстро поев, отправился на службу в Королевский суд. А сьера Клодетт отдала распоряжение детям одеваться потеплее и готовиться к выходу из дома. И снова она, как и накануне, дала обеим девушкам по небольшому бархатному мешочку-кошельку, прибавив, что сестры могут распорядиться монетами из них по своему усмотрению.

Вот, наконец, все были готовы. Сводные сёстры красовались в изящных меховых шубках и капорах, а из-под плотных шерстяных подолов платьев выглядывали теплые кожаные сапожки. Для защиты рук от зимнего мороза у каждой из трех дам были кокетливые муфты, висящие на шее на лентах. Мальчика же одели в короткий приталенный тулупчик и меховую шапку, закрывающую уши. В общем, все четверо выглядели как представители богатой семьи, которые могли себе позволить недешевые меха и кожу.

Карета уже ждала на подъездной дорожке к особняку. Лошади пофыркивали, выпуская из ноздрей струйки теплого пара от дыхания, и время от времени подергивали длинными хвостами и прядали ушами, кося лиловыми глазами по сторонам. Семейство погрузилось в экипаж, и кучер, крикнув: «Н-но!», тронул с места.

В карете, пока ехали до центральной площади столицы, сьера Клодетт давала детям последние наставления, чтобы те держались вместе и не потерялись в многолюдье, которое наверняка будет сопровождать праздник. Жители Марлезона с воодушевлением воспринимали любую возможность повеселиться, и, как сказала мачеха, обычно на ярмарку собирался почти весь город. Бок о бок развлекались там представители самых разных сословий – от самых бедных до знати.

Девушки слушали, не перебивая, хотя каждая думала о своем. Но вот они приехали. Все подъезды к площади уже были заполнены экипажами, так что кучеру Вийонов вначале пришлось некоторое время поколесить, отыскивая свободное место, где можно было поставить карету. Наконец, такое место было найдено, и все четверо пассажиров выбрались наружу.

Клодетт сразу же взяла сына за руку, а девушкам велела держаться друг за друга и не отставать от нее. Так они и двигались – мачеха с Криспином впереди, а сводные сестры – за ними. И чем ближе они подходили, тем громче становились звуки музыки и тем плотнее – толпа, непрестанно передвигавшаяся по площади.

Семья Вийон как-то очень гармонично влилась в это хаотичное движение, переходя от одного места к другому: от торговых палаток к высокой ширме, на которой давали представление кукольники, от разносчиков пирожков и горячего травяного напитка – к фокусникам и бродячим артистам. Мачеха купила каждому из детей по большому яркому сахарному леденцу, и все они были разной формы. Криспин выбрал себе фигурку полупрозрачного солдата, в мундире и с ружьем на плече, Эстель захотела хрупкую не то принцессу, не то куколку в пышном платье, а Жанин досталось Снежное дерево – миниатюрная копия того, что красовалось сейчас

в самом центре Главной площади столицы на высоком снежном постаменте. Себе же Клодетт не присмотрела ничего, и когда сын спросил ее об этом, ответила с улыбкой, что она уже давно вышла из того возраста, когда радуются ярмарочным леденцам.

«Ну да! – вдруг подумала про себя Жанин. – Куда больше мачеха обрадовалась бы какому-нибудь новому украшению – колье или броши!»

Но эта мысль мелькнула и вскоре покинула ее голову, потому что вокруг было столько нового и интересного, что девушка не успевала за всеми чудесами и соблазнами. Они двигались, и двигались, и двигались. А потом она на минутку – всего лишь на минутку! – остановилась перед прилавком книжного торговца – и пропала! Вокруг было столько книг, таких разнообразных, что Жанин замерла, не в силах выбрать.

Торговец – полный пожилой мужчина с седой бородкой и лихо закрученными вверх щегольскими усами – некоторое время молча наблюдал за юной горожанкой, застывшей перед разложенными на прилавке книгами, а потом все же спросил:

– Благородная сэра ищет что-то особенное?

– Н-нет, – выдавила та, – нет! Я...просто смотрю! Так много книг!

– Что ж, юная сэра, тогда позволю себе порекомендовать вам вот этот томик – нынешней зимой роман сэра Лемуртэна очень популярен! Посмотрите!

Он указал ладонью на одну из не особенно толстых книжиц в яркой обложке. «История великой любви нежной сиротки и прекрасного принца» – прочитала Жанин название.

– Э... А сколько она стоит? – осторожно поинтересовалась блондинка.

– Всего пять медных ризов, и книга – ваша! – с улыбкой ответил торговец, подкручивая кончик одного из седых усов.

Девушка в раздумье покусала зубками нижнюю губу, невесомо провела кончиками пальцев по гладкой поверхности книги, а потом вдруг спохватилась, завертела головой, осознав, что мачеха с сестрой и братиком уже ушли дальше, и она может просто потеряться одна на этой громадной площади.

Жанин охнула и, вынув из муфты кошелек, растянула шнурок горловины и быстро отсчитала пять медяков:

– Вот, возьмите, сэра!

– Берёте эту, юная сэра? – уточнил мужчина, постучав подушечками пальцев по обложке.

– Да-да, – быстро ответила она.

– Хороший выбор, сударыня! Право слово, хороший, – довольно сказал торговец, пряча монеты.

Глава 9

А Жанин, поспешно схватив обеими руками свое приобретение, помчалась в ту сторону, куда, как она надеялась, ушли родственники. Она ловко огибала веселящихся горожан, а сама всё никак не могла оторвать взгляда от яркой обложки, на которой были изображены девушка в бальном платье и молодой мужчина в белоснежном камзоле и с короной на голове, сидящий верхом на коне.

Она так увлеклась разглядыванием, что опомнилась только тогда, когда с размаху влетела во что-то твердое. Послышалось сдавленное ругательство, а Жанин ойкнула, ощутив приложившись лбом к чьей-то твердокаменной груди. От удара книга вылетела из ее рук и спланировала прямо на утоптаный снег.

– Осторожнее! – послышался недовольный мужской голос, показавшийся девушке знакомым. Она медленно подняла глаза вверх и ахнула: прямо перед ней стоял новый знакомый – тот самый сьер Бастьен, с которым она пересекалась вот уже в третий раз. На лице его отразилось, наверное, то же самое изумление, которое испытала девушка, а потом он, прищурившись, спросил с подозрением:

– Вы?! Преследуете меня, юная сэра?!

От такого обвинения глаза ее распахнулись на пол-лица, а брови поползли вверх, чтобы сразу же после этого сойтись в одну сплошную линию:

– Что?! Да что вы там себе возомнили?!

Она плотно сжала губы, а затем, вспомнив об упавшей книге, присела и протянула руку, чтобы поднять попку, пока ту не затоптали ноги многочисленных горожан, снующих туда и сюда. И вскрикнула, почувствовав, что ее несчастная голова едва не раскололась на несколько частей, столкнувшись со лбом мужчины, который не придумал ничего лучше, чтобы наклониться одновременно с ней и поднять книгу. Столкновение было неминуемым, но Бастьен был более быстрым и успел схватить томик первым.

Он резко выпрямился, шипя сквозь зубы и потирая ушибленный лоб пальцами свободной руки. Напротив Жанин так же, зеркально повторила его движение. От боли из ее глаз едва не брызнули слёзы, но девушка не расплакалась, а лишь рассердилась. Они остановились друг против друга, пронзая сердитыми взглядами.

– Да вы – просто ходячая катастрофа, сэра!.. – процедил он, а потом опустил глаза на книжку, которую так и сжимал в пальцах. – Что это тут у нас?.. Так-так! – насмешливо произнес он и прочитал вслух. – «История великой любви нежной сиротки и прекрасного принца». Что за чушь?!.. Вы такое читаете?..

– И ничуть не чушь! – пробурчала она и, изловчившись, вырвала книгу из пальцев ослабившего внимание мужчины. – Отдайте! Торговец книгами сказал, что это самый популярный роман нынешней зимы!

– Пф! – фыркнул он. – Вас бессовестно обманули!.. А что делает на ярмарке в одиночестве столь юная особа?! Ваши родители знают, где вы?

– Конечно, знают! – не моргнув глазом, солгала она, на что получила весьма скептическое хмыканье. – Мы все вместе приехали на ярмарку! Я только немного задержалась, чтобы купить книгу, а сейчас спешу к ним!

– Да?.. И где же ваши родные?.. – он, похоже, не поверил ни единому словечку.

– Мачеха с сестрой и братом направились к карусели!

– Мачеха? – выцепил из ее реплики единственное слово мужчина.

– Да, – механически ответила Жанин, засовывая книжку в просторную муфту.

– И вы точно не преследовали меня, маленькая сэра?

– Да нет же! Даже и не думала! – снова нахмурила она бровки. – Простите, сэр, но мне, и правда, пора! Как бы матушка не заволновалась...

– Так «мачеха» или «матушка»?

– Вам ни к чему это, – отмахнулась девушка, пытаясь обогнуть высокую фигуру

– А напомните-ка мне, юная сэра, какую фамилию вы носите?

– И это вам тоже ни к чему, – бросила она, наконец, получив возможность продолжать свой путь дальше. И уже не оглядываясь, добавила. – Прощайте, сэр!

И вскоре исчезла из виду, растворившись в плотной толпе.

А она точно не преследует его?.. Может быть, узнала, кто он?.. Мужчина проводил задумчивым взглядом фигурку в короткой серой шубке и таком же меховом капоре, спешившую к большому колесу вращающейся карусели, и покачал головой. Усмехнулся, а потом хмыкнул собственным мыслям. Нет, эта девочка – не его дело, невзирая на то, что Пресветлые Боги с непонятным упорством вот уже третий день подряд сталкивают их...

– Вот ты где! – раздался рядом мужской голос. – И куда ты так мечтательно уставился?!

– Ах, оставь, Ром! – с досадой ответил он подходившему кузену. – Просто встретил знакомого!

– Угу... «Знакомого», – насмешливо повторил тот. – Или кого-то из своих пассий?..

– Да ладно! Мои пассии не особенно любят такие сборища...

– Тогда кто? Давай, давай, признавайся! – не отступал Жером.

Вместо этого брюнет лениво окинул его темными глазами:

– Не забывайся, друг мой!

– О! Простите, Ваше... – театральным жестом приложил ладонь к сердцу Жером.

– Ром! – рыкнул Бастьен. – Не паясничай!

Тот преувеличенно тяжело вздохнул:

– Да, ты прав!.. Ну, так что, пошли развлекаться дальше?..

– Идем!

И они отправились в направлении, противоположном тому, в котором убежала Жанин.

Девушка же, ориентируясь на высокий купол ярмарочной карусели, и в самом деле, вскоре увидела мачеху и сестру с братиком, оседлавших раскрашенных лошадок, накрепко прибитых к дощатому полу по окружности карусели. Та двигалась, и казалось, что лошадки сами скачут друг за другом, неся на спинах седоков, среди которых были и ее родные.

Жанин залюбовалась этим зрелищем и отвлеклась лишь тогда, когда заметившая ее востроглазая Эстэль энергично замахала сестре рукой. Она помахала в ответ. А сестра, обернувшись, что-то крикнула сидящей вместе с братом на одной лошади мачехе. Тогда и та повернула голову, увидев стоящую за кованым ограждением падчерицу, и кивнула девушке, давая понять, что видит ее.

Глава 10

Сьера Клодетт, конечно же, спросила, где так задержалась Жанин, и та ответила полуправду: мол, остановилась у прилавка книжного торговца. Однако умолчала о своей покупке, благоразумно не вынимая ее из муфты до того самого времени, пока они не очутились в холле особняка. И лишь потом, вернув мачехе почти не полегчавший кошелек, улучила момент, когда на нее никто не смотрел, и быстрым движением извлекла книгу из муфточки, тут же спрятав ее в складках широкой юбки.

Клодетт велела детям переодеться к обеду и повела в детскую Кристина, чтобы сменить одежду мальчика на домашний камзолчик.

Жанин птицей взлетела по лестнице на второй этаж и скрылась за дверью своей комнаты. И лишь там с облегчением вздохнула, засунув книгу поглубже в комод, в ящик, в котором хранились ее чулки и подвязки, предварительно завернув покупку в один из тонких белых чулок.

Вечером, когда она отправится спать и будет уверена, что к ней уже никто не придет, Жанин начнет читать книгу, которую так расхваливал ей торговец.

Поздним вечером, когда в высокие стрельчатые окна ее комнаты уже заглядывала зимняя ночь, а домашние разошлись по своим спальням, девушка, переодевшаяся в тонкую длинную сорочку с рукавами, забралась в кровать и, положив на подушку рядом магический кристалл, света которого вполне хватало, чтобы различать напечатанные на плотной шероховатой бумаге слова, погрузилась в чтение, вскоре позабыв обо всем на свете, кроме того, о чем повествовалось в романе сьера Лемуртэна. Иногда она тихонько ахала, а сердце ее то замирало в беспокойстве за героев, то пускалось вскачь, стуча неровно и сильно. А на других страницах встречались такие описания и подробности, от которых нежные щеки Жанин полыхали пожаром, а губы приоткрывались, словно в такие моменты девушке не хватало воздуха.

В конечном итоге, Жанин не смогла оторваться от романа, пока не проглотила его весь. И, лишь перевернув последнюю страницу, недоуменно захлопала глазами, не сразу осознав, что история великой любви закончилась, и, конечно же, словами: «Жили они долго счастливо и умерли в один день»

Девушка длинно выдохнула, счастливая оттого, что история оказалась со счастливым концом.

Есть ли на свете такая любовь? – расслабленно подумала она, засунув книгу под пышную подушку, потому что сил на то, чтобы встать и прятать томик в комод, у нее уже совершенно не осталось, а глаза закрывались сами собой.

Неудивительно поэтому, что утром девушка проснулась совершенно не выспавшейся. Она бы, наверное, так и спала дальше, если бы не служанка, пришедшая будить ее по распоряжению хозяйки. Позёвывая в кулак, Жанин сползла с постели и отправилась умываться, и лишь в купальне с запоздалой паникой вспомнила, что она не вынула из-под подушки роман о нежной сиротке. Ахнув, девушка метнулась в спальню, но служанка пока еще не успела запрошить кровать, наоборот, покинула покои Жанин. Она стремительно выхватила книгу из-под подушки и бросилась к комоду, засунув томик в самый нижний ящик, поближе к задней стенке. И только тогда успокоилась.

После завтрака в дом снова прибыли все три модистки с объемными баулами, в которых привезли готовые туалеты для бала. Теперь платья следовало примерить и убедиться, сидят ли они на фигурах дам идеально.

Все эти манипуляции заняли довольно много времени, и под конец на Жанин напала такая сильная зевота, что мачеха обратила на это внимание, и пристальный взгляд ее на падчерицу не предвещал той ничего хорошего. Но девушка стойчески перенесла примерку до самого

конца, и только когда все было, наконец, закончено, а модистки, получив щедрую плату за свою работу, довольные, отбыли восвояси, у девушек появилась возможность уйти в свои комнаты, но только лишь для того, чтобы переодеться к обеду. За обедом Клодетт, не глядя на старшую девушку, нейтрально спросила:

– Жанин, как ты себя чувствуешь? Ты как-то странно вела себя на примерке!.. Уж не заболела ли ты? В таком случае, придется тебе остаться дома, в то время как мы поедем во дворец.

– Нет-нет, маменька! – излишне поспешно откликнулась, округляя голубые глаза. – Всё в порядке! Я совершенно здорова! Просто... Вчера, после ярмарки, было столько ярких впечатлений, что я не смогла сразу уснуть и долго вертелась с боку на бок. Всё не могла улечься удобно...

– Ну, что ж! Хорошо, коли так! – ответила Клодетт, и падчерица ее так и не поняла, поверила ли женщина в ее объяснение.

А вот уж после трапезы Жанин ускользнула к себе, где, упав на кровать, погрузилась, наконец, в сон, проспав до самого вечера.

Следующий день – день Снежного бала – с самого раннего утра выдался крайне суматошным. Проснувшись, Жанин наскоро привела себя в порядок и поспешила на завтрак.

Затем мачеха дала всему семейству отдохнуть до обеда, после которого начали готовиться к важному событию. Отец в этот день получил на работе отгул, в связи с тем, что его семейство получило приглашение на праздник. В день бала он не уехал на службу, а остался дома. И так же, как и «его девочки» тщательно готовился к вечеру.

И вот, наконец, наступила пора выезжать из дома, чтобы вовремя явиться во дворец. Обе девушки так разволновались, что Клодетт вынуждена была собственноручно накапать им в чашки с водой мятных капель, чтобы хоть немного успокоить юных сэров, которые впервые (как, впрочем, и их родители!) отправлялись на такое значимое событие.

Наконец, отдав последние распоряжения слугам и горничной, которую оставили присматривать за маленьким наследником, взрослая часть семьи облачилась в шубки и плащ, покинула особняк и, разместившись в карете, отправилась на бал.

Глава 11

- *Что случилось?*
- *Отец вызвал меня к себе и...*
- *И что? Он опять говорил о твоём долге перед семьёй?*
- *Угу...*
- *Ну... Что я могу сказать?*
- *Ничего не говори...*
- *Послушай, ты только продержись сегодняшней вечер...*
- *Думаешь, это что-то изменит?*
- *Я не знаю, просто у меня какое-то предчувствие...*
- *Ха! Ты теперь в провидцы записался?!*
- *Я знаю, что тебе не хочется что-то менять в своей жизни, и я на твоей стороне, что бы ты ни решил. Просто... Не пори горячку. Будь милым со всеми ними...*
- *Тебе легко говорить! Будь ты на моём месте...*
- *Но я не на твоём месте, брат, и никогда на нём не буду... И мы оба это знаем!*
- *Да, ты прав! Но Бездна! Как же мне хочется послать всё во тьму и сбежать!..*
- *Увы! Ты уже не мальчик, чтобы поступить так...*
- *Да я и мальчиком никогда не позволял себе ничего подобного!*
- *Знаю. Поэтому прошу об одном – прояви сдержанность во всём сегодняшним вечером. Чтобы у твоего отца не появилось шанса выполнить свою угрозу...*
- *Всё-таки не зря я иногда думаю, что это тебе следовало родиться у моих родителей. Ты всегда был более трезвомыслящим, более уравновешенным, чем я...*
- *Не наговаривай на себя, кузен!*
- *Что ж, спасибо, брат! Ты всегда поддерживал меня.*
- *И всегда буду поддерживать. А сейчас идем! Нельзя опаздывать на Снежный бал!*
- *Ты прав! Идём!*
- *И выше голову, кузен!*

Семейство Вийонов прибыло во дворец без опоздания, однако там уже было множество приглашенных на бал. Наверное, так же, как и Вийоны предпочли приехать заранее, нежели опоздать.

Предъявив двум важным церемониймейстерам с жезлами, стоящим у высоких входных дверей в огромном, поражающем своей роскошью холле, приглашение, господин Роже повел своих близких в помещение, специально отведенное для гардероба, где все четверо оставили верхнюю одежду и сапоги, а взамен получили небольшие прямоугольные кусочки гладкого дерева с нанесенными на них номерами. Это позволяло распорядителям не перепутать в дальнейшем одежду гостей и выдать каждому именно его шубу или плащ.

Мачеха тут же ловко забрала из рук супруга все номерки и спрятала их в крошечной бальной сумочке – у каждой из девушек тоже была подобная, скрывающая в своей глубине маленькое зеркальце, крошечный флакончик с нюхательной солью, шелковый платочек, отороченный узкой полоской кружева, и тонкий блокнотик с карандашиком, чтобы записывать имена партнеров по танцам – своеобразная бальная книжка.

Семейство важно проследовало к распахнутым дверям бальной залы, причем сьер Роже и его супруга часто раскланивались с другими гостями, с которыми были знакомы.

Дочери их, естественно, никого не знали, а потому просто следовали за родителями.

Сегодняшним вечером обе девушки были поистине прекрасны. Яркая юная красота брюнеточки Эстэль была обрамлена белоснежным платьем, подчеркивающим чистоту и невин-

ность юной сэры. Смоляные волосы, уложенные в завитые локоны, распахнутые в детском восторге темно-карие глаза, опущенные густыми черными ресницами, чуть-чуть приоткрытые яркие губы – весь облик сводной сестры Жанин говорил о том, что через несколько лет, повзрослев, девушка станет настоящей красавицей, которая покорит не одно мужское сердце. Хрупкие тонкие ключицы, приоткрытые совершенно целомудренно горловиной платья, подчеркивали юность этой девочки. Она вертела головой по сторонам, хлопала глазами и находилась в полнейшей эйфории от того, что открывалось перед ее взором.

Жанин была облачена в бледно-голубое атласное платье, подчеркивающее ее голубые глаза и оттеняющее светлые волосы, тоже искусно убранные в праздничную прическу, открывающую стройную шейку и изящные плечи, благодаря особому крою, тесно охватывающее тонкую девичью талию и пышными складками длинной широкой юбки сбегаящее к самому полу, позволяя при ходьбе изредка показывать самые носочки изящных бальных туфелек. Довольно скромные, лаконичные украшения в мочках аккуратных ушек и на шее придавали девушке праздничный вид.

Супруги Вийоны были одеты в одежду синего цвета, идеально гармонирующую друг с другом, и, глядя на них в этот момент, Жанин подумала, что отец и мачеха очень недурно смотрятся рядом.

Бал проводился в огромной дворцовой зале, украшенной по случаю праздника в сине-бело-голубой гамме с серебром. Огромные многоярусные люстры с магическими светильниками освещали просторное пространство. Высокий белоснежный потолок поддерживали стройные круглые колонны, возносящиеся вверх и придающие всему помещению воздушность и легкость. В углу стояло высокое – под потолок – Снежное дерево в серебряной мишуре, украшенное многочисленными блестящими шариками, перемигивающимися от пола до верхушки крошечными огоньками, ажурными резными снежинками и отражающими острые грани алмазными кристаллами. В целом зрелище было восхитительное и завораживающее. А в противоположном от Снежного дерева углу расположился Королевский оркестр. Музыканты уже негромко наигрывали спокойные, ненавязчивые мелодии, создавая определенное настроение. У центральной стены на небольшом возвышении стояли два трона для правителей, пока не занятых. Король и королева появятся перед самым началом бала.

Пока же вокруг непрестанно двигались разряженные аристократы, блистающие роскошными нарядами, стремящиеся перещеголять друг друга пышностью и богатством тканей, обилием кружев и дорогими фамильными драгоценностями. Преломляя свет люстр многочисленными гранями на колье, серьгах, браслетах, перстнях, украшения пускали тонкие лучики в глаза присутствующим.

Девушки чинно двигались в этом всеобщем круговороте с родителями по бокам – Жанин с отцом, а Эстэль рядом со своей матерью – и рассматривали убранство залы, украшения на главном символе праздника. Младшая сдерживалась изо всех сил, однако же, иногда эмоции выплескивались из нее, и девушка тихонько попискивала от восхищения и что-то шептала то матери, то – повернувшись в другую сторону – сводной сестре. Клодетт отвечала негромко и спокойно, а блондинка лишь пожимала плечами с легкой улыбкой.

Они раскланивались со знакомыми, и в какой-то миг Эстэль наморщила свой носик и прошептала сводной сестре:

– Ой, ты посмотри, Жанин! Мариса Бардо вырядилась, как будто она не просто приглашенная на бал, а, по меньшей мере, сама королева!

– Где? – повела головой по сторонам старшая из девушек.

– Да вон же она! Идет прямо в нашу сторону с родителями!

Тут Жанин, и правда, увидела еще одно семейство аристократов, плавно направлявшихся навстречу. С мужчиной и женщиной была юная девушка, худенькая, остроносенькая, с тщательно завитыми каштановыми локонами. Видимо, это и была та самая Мариса, соперничество

с которой не давало покоя ее сводной сестрице. На взгляд Жанин, в облике девушки не было ничего сверхъестественного или вызывающего – белое платье, отделанное тончайшими росскими кружевами, умеренное количество украшений, но неугомонная Эстэль не преминула заметить, что их с Жанин наряды выглядят не в пример лучше!

Жанин на эту реплику только усмехнулась про себя, внешне же осталась невозмутимой, лишь пожала плечом, обозначая, что услышала сестру.

Оба семейства чинно раскланялись, пожелав друг другу веселого праздника и так же чинно разошлись.

Вот что-то изменилось в зале: музыка на миг смолкла, а затем сменилась на торжественную и неторопливую, сигнализируя о появлении августейших особ, и все присутствующие начали поспешно отходить к боковым стенам, освобождая пространство в центре помещения.

Зычным голосом, усиленным магически, один из церемониймейстеров, произнес:

– Его Королевское Величество, милостью Пресветлых Богов правитель Паризии – Марлон Пятый!

И тут же его слова подхватил второй, не менее громкий голос:

– Её Королевское Величество, благословенная королева Иоланда!

И все гости, как один склонились в церемонных поклонах, приветствуя своих повелителей. Праздник начался.

Глава 12

Жанин тоже присела в придворном реверансе. Сколько в Пансионе преподавательницы этикета тренировали воспитанниц правильно, с безупречным наклоном корпуса выполнять это движение! И вот, наконец, ей представился случай продемонстрировать свои навыки. Она застыла в поклоне, опустив глаза вниз, не видя, как проходят к тронам правители Паризии. Музыка продолжала звучать, и так же торжественно и плавно вышагивали король и королева. К счастью, вскоре они достигли возвышения, и гости получили возможность выпрямиться и взглянуть на своих сюзеренов.

Сдерживая вздох облегчения, Жанин выпрямилась тоже и бросила любопытный взгляд к той стене, где возвышались два золоченых трона, а сейчас стояли Марлон Пятый и королева Иоланда.

Вот король заговорил, и каждое его слово летело да самого дальнего уголка бальной залы и было прекрасно слышно, несмотря на заполненность помещения:

– Наши верные подданные! Еще один год прожит нами под небесами благословенной Пресветлыми Богами Паризии, и снова дворец распахнул свои двери перед гостями, приглашенными на Снежный бал. Веселитесь, танцуйте, разговаривайте с приятными людьми! И пусть и сегодня, как многие годы до этого, влюбленные сердца найдут друг друга, и новые семейные пары возникнут в новом году! Сегодня вас ждет незабываемое зрелище фейерверков, подготовленных придворными магами, но это будет позже! А сейчас – пусть начнется праздник!

И все мужчины и женщины, находившиеся в нарядной зале, захлопали в ладоши и принялись скандировать:

– Да здравствует король! Да здравствует королева!

А потом заиграла музыка, и начались танцы. Первой была торжественная медленная фаванна, которой открывали каждый Снежный бал, и в первой паре всегда неизменно стояли король и королева, выступавшие в роли хозяев праздника. За ними выстраивались все желающие. Дочерей Вийонов тотчас же пригласили молодые кавалеры, и господин Роже повел в медленном, плавном шествии по зале свою супругу.

Танец был церемонным и целомудренным, партнеры едва касались рук друг друга самыми кончиками пальцев, и все равно мачеха, как орлица, наблюдала за обеими танцующими девушками, пока супруг не заметил негромко:

– Дорогая моя! Ну, что может случиться с девочками здесь? Не сверлите вы так глазами их кавалеров! Как бы юношей удар не хватил!

– Вы всё смеетесь надо мной, дорогой супруг! – поджимая недовольно тонкие губы, проворчала вполголоса жена.

– Ничуть, дорогая! Но дайте дочерям повеселиться от души!..

Жанин наслаждалась происходящим. Музыка, звучащая в просторном помещении, разнообразными танцами. Кавалеры приглашали ее охотно, девушка почти не стояла у стен. И каждый раз мужчины учтиво подводили ее к родителям, вежливо произнося слова благодарности за танец. Мачеха благосклонно кивала головой, а сама орлиным взором окидывала каждого.

Жанин знала причину этого. Потому что еще до выезда из дома Клодетт зашла в комнату падчерицы и спокойным тоном завела разговор о том, что через полгода та выпустится из Королевского Пансиона благородных девиц, а потому уже сейчас нужно думать о будущем.

– Дитя мое, на балу будет прекрасная возможность, которую нельзя упустить! Ты ведь понимаешь, о чем я?

– Нет, матушка, – честно ответила блондиночка, правда, не понимая, что имеет в виду сьера Клодетт.

– На Снежном балу очень многие девушки находят себе будущих мужей, – многозначительно выдала женщина. – Я надеюсь, ты прислушаешься к моим словам, и вскоре мы будем радоваться за тебя всей семьей!

– Маменька, я так надоела вам? – нахмурилась Жанин.

– Ну, что ты, девочка! – преувеличенно заботливо отозвалась мачеха. – Как ты могла надоесть мне?! Нет, конечно же! Но каждая молодая сэра должна вовремя выйти замуж, пока красота и молодость ее не увяла! Я всего лишь забочусь о тебе, дорогая! – и она покровительственно похлопала падчерицу по плечу, после чего выплыла из комнаты.

Она напомнила девушке об этом разговоре еще раз, улучив минуту, когда Жанин уже вернулась после очередного танца, отец где-то в зале вел серьезные мужские разговоры с другими дворянами, а Эстэль еще не подошла к родным. Вполголоса, но довольно строго женщина пробормотала, чтобы Жанин не теряла время понапрасну – Снежный бал не бесконечный. Девушка почувствовала, что радостное настроение, которое она испытывала на праздничном вечере, куда-то пропадает. Но она взяла себя в руки и только молча кивнула мачехе. Вскоре подошла Эстэль и шепотом призналась матери, что она хочет пить, а еще... Тут девушка замялась, и сьера Клодетт пришла ей на помощь:

– Освежиться?

Девочка радостно закивала, и женщина решила:

– Идем, провожу тебя в дамскую комнату. Жанин, а ты не скучай! И не забывай, о чем я тебе говорила!

– Да, маменька, – послушно сказала она и тихо вздохнула, проследив глазами за двумя нарядными дамскими фигурами, удалявшимися в направлении выхода.

Она нервно поправляла веревочные ручки крошечной бальной сумочки, висящей у нее на запястье, когда услышала:

– Юная сэра?! Неужели это вы?!

Девушка подняла глаза и невольно приоткрыла рот, увидев остановившегося перед ней сьера Бастьена. Он удивленно смотрел на нее, а затем слегка усмехнулся:

– Вы тоже сегодня здесь?!

– А почему бы и нет? – немного колюче отозвалась она, вспомнив, как накануне этот блестящий аристократ обвинил ее в том, будто Жанин преследует его. – Мне кажется, сегодня половина Марлезона здесь! Вы вот ведь тоже наверняка получили приглашение от Его Величества!

– Я? Хм... Да, вы правы! Но, признаться, я несколько удивлен вашему присутствию на нынешнем празднике...

– И заметьте, это не я подошла к вам! – исподлобья посмотрела она.

– Это вы к чему сейчас? – заломил он смоляную бровь.

– Сегодня у вас не получится обвинять меня в преследовании...

В ответ молодой мужчина весело рассмеялся:

– О да!.. Не получится! Но, может быть, вместо этого вы окажете мне честь и потанцуете со мной?

– Вы... приглашаете меня?..

– Именно!

– Но музыка... – немного растерянно произнесла она, потому что музыканты как раз перестали играть, и возникла некая пауза.

– А вот и музыка! – широко улыбнулся Бастьен, подавая девушке руку, и ей ничего не оставалось, как вложить свою кисть в атласной бальной перчатке в ладонь мужчины.

Тем более что мачеха с Эстэль пока так и не вернулись.

Они встали среди танцующих и присоединились к танцу. Сейчас играли аллеманду, и, двигаясь плавно и неторопливо, танцоры могли еще и негромко беседовать.

Жанин и Бастьен сначала молчали, изящно выполняя движения, затем, во время одного из вращений мужчина вдруг спросил:

– Так с кем вы здесь, сэра?

– Со своими родными, – кратко ответила девушка.

– Вы ведь и вчера не назвали мне фамилию своей семьи. Почему?

– Зачем вам это? – она плавно повернулась вокруг своей оси и вдруг очутилась в кольце крепких рук. Вспыхнула от того, что они оказались так близко друг к другу, и отпрянула назад, едва не налетев на танцующую за ее спиной пару.

Ахнула, но была удержана всё теми же руками Бастьена.

– Осторожнее, юная сэра, – тихо сказал он, и девушка виновато оглянулась, чтобы убедиться, что не помешала другим танцорам.

По счастью, сзади танцевала пара довольно тучных немолодых дамы и кавалера, и движение Жанин ничем не помешало им.

Бастьен тут же опустил руки, и молодые люди продолжили танец, однако Жанин чувствовала неловкость, потому что снова показала себя перед этим красивым молодым мужчиной такой неуклюжей.

– Проводите меня, пожалуйста, к родным, – попросила она.

– Как пожелаете, – ровным голосом отозвался он и протянул девушке руку, а затем повел ее в том направлении, где должны были находиться мачеха и сводная сестра.

К дамам, оказывается, уже присоединился и господин Роже, и они стояли у одной из стен бальной залы. Мачеха энергично обмахивалась веером: в зале стало довольно душно.

Бастьен подвел девушку к родным, и, по мере того, как они приближались, все трое уставились на них. Эстэль с детским любопытством рассматривала молодого сэра, который, надо признать, выглядел сегодня великолепно в своем белоснежном, шитом серебром камзоле, с пеной кипенных кружев у высокого ворота и у манжет, в таких же белых брюках, которые выгодно подчёркивали длинные ноги, и зеркально блестящих бальных туфлях, в которые спокойно можно было смотреться, как в зеркало. Жанин шла рядом с ним и никак не могла понять, почему лицо отца с каждым ее шагом все больше вытягивается, а глаза округляются так, что дочь его начала всерьёз беспокоиться, как бы глазные яблоки не выскочили наружу.

Мачеха, стоявшая рядом с ошеломленным супругом, только хлопала глазами и то открывала рот, будто что-то хотела произнести, то закрывала его, так и не найдя подходящих слов.

Молодые люди приблизились, и родители одновременно сделали поклон, чем весьма поразили Жанин. Но еще больше поразила она, когда сэр Роже выпрямился и, глядя на Бастьена, почтительно произнес:

– Ваше Высочество! Какая честь для нас!

Глава 13

– Папа?!

Жанин была так ошеломлена, что назвала отца так, как крайне редко обращалась к нему.

И увидела, как нервно дернулся уголок рта господина судейского секретаря. Однако он сдержался и снова повторил, как семья Вийон счастлива оказанной принцем честью, имея в виду приглашение старшей дочери на танец. Бастьен только слегка поклонился и, посмотрев на Жанин, произнёс:

– Благодарю за танец, сэра! – и, немного склонившись перед ней, поцеловал руку девушки. Выпрямившись почти в ту же секунду, учтиво произнес. – Позвольте оставить вас, господа!

И – практически сбежал, быстрым шагом отойдя и затерявшись между многочисленными приглашёнными.

Жанин проводила его глазами и обратила взор на отца:

– «Ваше Высочество»?! Это что, был принц?!

– Тише! Ты слишком шумишь, – одернул ее господин Роже. И отстраненно добавил. – Да. Собственной августейшей персоной!

– Ой, а я слышала, что он ловелас и бабник, – выдала брюнеточка.

И тут же удостоилась окрика от матери:

– Эстэль! Юным сэрам не пристало слушать сплетни, а тем более – повторять их!

– Но... Я не знала, – растерянно произнесла Жанин.

– Просто держитесь от этого человека подальше, девочки, – негромко сказал глава семьи, но в тоне его было столько скрытой силы и предупреждения, что обе энергично закивали в ответ.

В это время музыканты заиграли сарабанду, и к семейству почти одновременно подошли два молодых аристократа, пригласив обеих сестер на танец. Мачеха благосклонно кивнула, давая свое разрешение, и обе красавицы упорхнули в центр бальной залы. Пронаблюдав, как девушки уходят с кавалерами, она лишь многозначительно переглянулась с супругом, а затем, немного помолчав, тихо произнесла, прикрывая нижнюю часть лица веером:

– Дорогой, что плохого в том, что девочка потанцевала с принцем? Это всего лишь танец на балу... За сегодняшний вечер обе наши дочери уже столько раз танцевали, и каждый раз с другими кавалерами...

– Не знаю, Клодетт, – покачал сидящей головой сьер Роже. – Но у меня какое-то предчувствие... Как будто должно произойти что-то не очень хорошее...

– Милый мой, – протянула ласково жена, поглаживая по сгибу локтя супруга. – Ну, что вы! Смотрите, какой замечательный праздник! Я так рада, что мы оказались сегодня на Снежном балу! А пригласите-ка меня потанцевать, дорогой супруг! – лукаво улыбнулась она, складывая веер.

– Что ж, дорогая! Позвольте, в таком случае пригласить вас и окажите честь станцевать со мной!

– С превеликим удовольствием!

И супруги Вийон смешались с другими танцующими.

Через пару танцев Эстэль снова захотела пить, потом – «припудрить носик», как называла это сьера Клодетт, и мачехе опять пришлось вести ее в дамскую комнату.

Они ушли, оставив отца и дочь вдвоем, и девушка заботливо спросила:

– Папенька, как вы себя чувствуете? Бал не утомил вас?

– Нет, дитя моё, – ответил он. – А ты как? У вас с сестрой сегодня прекрасная возможность повеселиться от души и потанцевать всласть!

– Да, это правда, папенька, – улыbnулась она. И добавила, обмахивая разгоряченное после быстрого танца личико. – Стало жарко! Вы позволите мне ненадолго выйти и освежиться?

– Ступай, дочка! Но не потеряйся в этой толчее и сутолоке...

– Нет, отец, не потеряюсь! Я запомнила, в каком месте залы мы стоим, – ответила Жанин и, придерживая пышную юбку пальчиками, направилась, ловко огибая других гостей, к выходу из заполненного людьми помещения.

Она шла по широкому коридору, ярко освещенному закрепленными на стенах магическими светильниками-кристаллами, внимательно присматриваясь к интерьеру. Почему-то только теперь ей вдруг вспомнилось, как в Пансионе, в ночной темноте спальни, девушки иногда шёпотом, чтобы не услышали воспитательницы, заводили разговоры о потенциальных женихах, и нередко обсуждение переходило именно на персону наследного принца. Пансионерки тихонько хихикали, сплетничая о Его Высочестве, «бабнике и ловеласе». Да-да, именно так они и говорили, и сегодня Эстэль слово в слово повторила эти слухи, вызвав недовольство собственной матери.

Но Жанин никак не связывала красивого, смелого и решительного сьера Бастьена с принцем, ведь наследника, насколько она знала, звали Себастьян. Значит, представляясь сокращенным именем, он хотел сохранить инкогнито.

Боже, а она дерзила ему! Ему, принцу крови, сыну короля! Девушка даже остановилась от этой мысли, пришедшей ей в голову! И заметила, что стоит перед приоткрытой высокой створкой двери, за которой виден был тяжелый занавес, отделявший дверь от остального помещения.

Жанин подумала, что, возможно, там есть какой-нибудь диванчик или кресло, где она сможет посидеть в тишине и одиночестве и дать небольшой отдых уже начавшим гудеть от многочисленных танцев ногам, несмотря на мягкие и удобные бальные туфельки. Она решила, что за этой дверью может скрываться застеклённый балкончик – множество подобных Жанин успела рассмотреть на фасаде дворца, и это вполне мог быть один из них.

Девушка уже шагнула внутрь, бесшумно потянув на себя дверь, когда услышала голоса. Она замерла, подумывая уйти оттуда, но мужской голос показался ей знакомым.

И она затихла, скрытая занавесом, опасаясь даже дышать громко, чтобы не выдать себя.

Разговаривали двое, и одним из них был точно сьер Бастьен, а точнее – принц Себастьян. Второй, высокий и жеманный женский голос, был незнаком Жанин.

Дама говорила смело, напористо, и девушка поняла, что двое в комнате, скрытой за занавесом, хорошо знакомы друг с другом. А еще – они явно ссорились, потому что голос женщины звучал сердито и уже немного визгливо:

– Ты обманул меня, Себ!

– И в чём же, позволь спросить?!

– Ты играл со мной, как кот с мышкой!

– Что за глупости ты говоришь, Марсела?! Я никогда не давал тебе ни обещаний, ни надежды на что-то большее, чем приятное времяпрепровождение!

– Ты воспользовался мной, соблазнил, зная, что я влюбилась в тебя!

Принц сердито рассмеялся:

– Соблазнил?! Да ты сама была рада прыгнуть ко мне в постель, дорогуша! И, заметь, была вовсе не против, как ты говоришь, «соблазнения»! К тому же я ведь далеко не первым побывал там, что ты так щедро предлагала мне!

Женщина шумно вздохнула, приводя эмоции в порядок, и уже более спокойно продолжала:

– Я знаю, что твой отец потребовал, чтобы ты не позднее Снежного бала представил ему невесту!

– Хм! Это уже ни для кого во дворце не секрет, – ответил мужчина. – И что?

– Почему бы тебе не назвать мое имя, милый? Нам ведь так хорошо вместе! Услышав это, принц расхохотался.

– Что ты ржёшь, Себ?! – совсем не по-благородному выразилась девица.

– Да потому что ты насмешила меня, Марсела! Прости, но будущей королеве не пристало привечать в своем будуаре почти всех придворных мужского пола!

При этих словах Жанин за шторой зажала рот ладонью, чтобы не выдать себя ни единым звуком.

– Милый, зачем ты говоришь эти обидные слова?! Я была верна тебе, пока мы вместе!

– Оставь, Марсела! Мне скучно выслушивать подобную чушь! Или ты хочешь, чтобы я привел тебе доказательства твоих тайных встреч с маркизом Аморе́ном? Или с графом Жоффруа?!..

– Ах, какой же ты мелочный, оказывается! – вскричала дама. – Но знай: ты еще сильно пожалеешь!

– Это я мелочный?! А может быть, мне вызвать стражу и упечь тебя за решетку за нанесение оскорбления принцу крови?!

– Ты мерзавец! – выпалила девица и, судя по стуку каблучков, понеслась к выходу.

– Иди, иди! Обиженная невинность! – выплюнул в сердцах принц, и в этот момент Марсела едва не налетела на стоявшую за занавесом Жанин.

Девушка охнула, не успев отступить в сторону, а дама, представшая перед ней и оказавшаяся ярко-рыжей, с горящими гневным румянцем щеками, облаченная в лазурный шелк, вышитый серебристыми мелкими снежинками, рявкнула:

– Прочь с дороги, деревенщина! Это что ещё за?..

И, больно толкнув девушку в плечо, пронеслась мимо и исчезла.

Глава 14

Жанин, осознавшая, что последняя фраза Марселлы напрямую сигнализирует оставшемуся на балконе принцу, что у их совсем не мирной беседы был свидетель, хотела было бежать прочь, но не успела: длинная рука с твердыми пальцами стремительно схватила ее за запястье и довольно грубо втянула внутрь.

Девушка пискнула задушено, но по инерции пролетела несколько шагов, впечатавшись в твердые мышцы мужской груди.

– Так-так-так! И кто это у нас здесь? Снова вы?! Признавайтесь, сударыня, подслушивали?

– Я... Н-нет! – выдавила Жанин, со страхом глядя на Бастьена. – И не собиралась...

– Однако же притихли тут, как мышь, и стояли до последнего! И много успели услышать?!

– Н-нет... Немного, – дрожащим голосом ответила девушка.

– Маленькая лгунья! – прошипел он, приблизив свое лицо к ней, и Жанин почувствовала смешанное с парами алкоголя дыхание на своих щеках.

Она сжалась, поняв вдруг, что наследник пьян. Как, когда он успел напиться, если, танцуя с Жанин, был совершенно трезв?! Возможно, причиной его теперешнего состояния стало то, что случайно услышала девушка из уст придворной дамы. Пассия принца что-то говорила о том, король поставил сыну условие о предъявлении невесты.

А Себастьян, меж тем, продолжал допрашивать:

– Зачем вы здесь? Преследуете меня?!

– Нет, я даже не знала, что здесь кто-то есть!

– У-у-у, снова ложь! Признайтесь уже, что специально подкарауливаете меня повсюду!..

Такая невинная снаружи и такая порочная и испорченная внутри!

Жанин едва не задохнулась от возмущения, услышав это несправедливое обвинение, и дернула рукой, пытаясь освободиться из железной хватки:

– Как смеете вы оскорблять меня?! Отпустите! Я просто хотела освежиться...

– «Освежиться!» – передразнил он. – Так это еще никто не называл! Что ж, будь по-вашему!

И, обхватив руками талию Жанин, нависнув над ней, вдруг резко прижался ртом к ее губам. От него пахло вином, и девушка затрепыхалась, стремясь вырваться.

Но Бастьен держал крепко, усиливая напор, требовательно раздвигая языком нежные губы и проникая внутрь, проводя жадными движениями по языку, нёбу, зубам блондинки, втягивая ее губы в себя, посасывая и облизывая, не давая ни на секунду оторваться от него. Жанин уперлась ладонками в его каменную грудь, но и только. На большее сил ее уже не хватало! Девушка чувствовала, как начинает кружиться голова, как в самом центре груди зарождается тугой комок пламени, странное и непривычное чувство, такое мощное, что ноги перестали держать ее, и чтобы не свалиться, Жанин ухватилась руками за твердые плечи, обтянутые серебряной парчой камзола... Она безвольно закрыла глаза, подчинившись более сильному, сдаваясь хищнику, который брал своё, будучи уверенным, что во всем прав.

Девушка и не заметила, когда простое грубое подчинение сменилось нежностью и страстью. Поцелуй был теперь совсем другим, и это даже начало нравиться Жанин. Она словно пребывала в каком-то сладком, вязком сиропе, точно мушка, увязшая в меду, и постепенно ладони ее скользнули вверх по твердым пластинам груди Себастьяна, обхватив мощную шею, скользнули пальчиками под высокий ворот камзола, запутались в отросших волосах, оказавшихся неожиданно мягкими и шелковистыми.

И вдруг...

– Ах, какой пассаж! – внезапно раздался чей-то громкий голос.

И еще один, рокочущий и властный:

– Что происходит?!

А затем послышался резкий стук, дверь, ведущая на балкончик, широко распахнулась, тяжелый занавес с шумом отдернули в сторону, в небольшое помещение хлынул яркий свет из коридора, и перед отпрянувшими друг от друга принцем и Жанин предстала целая толпа гостей, заглядывавших с жадным любопытством через плечи стоявшего впереди короля Марлона V и какого-то высокого широкоплечего седого вельможи, с которым девушка не была знакома. А из-за их спин пытался рассмотреть происходящее – о Боги Пресветлые! – растерянный отец, мачеха, на худом лице которой явно читалось удовлетворение, сводная сестра, даже приоткрывшая рот от удивления увиденным, и та самая расфуфыренная рыжая девица, которая обещала принцу, что он еще пожалеет о своих словах! Похоже, она и привела сюда всю компанию.

Принц выпустил, наконец, девушку из рук, она резко отшатнулась, пару раз моргнула, надеясь, что всё это ей только привиделось, но люди никуда не исчезли. И Жанин услышала, как совсем рядом вполголоса выругался сквозь зубы Себастьян.

Она с ужасом в голубых глазах услышала манерный голосок Марселлы, произнесший с тщательно спрятанным злорадством:

– Вот, Ваше Величество! Извольте сами убедиться! Его Высочество, кажется, что-то хочет сообщить вам!

На скулах Себастьяна заиграли желваки и вспыхнули два красных пятна, и если бы взглядами можно было убивать, то рыжая уже лежала бы на мраморном полу бездыханным трупом!

В воздухе повисла тяжелая тишина, а потом прозвучал ледяной голос правителя Паризии:

– Я спрашиваю, – прогрехотал король. – Что происходит?!

– Ваше Высочество, позвольте объяснить! Это моя дочь, Жанин! – откуда-то сбоку вывернул из-за фигур придворных господин Роже, и девушка обречённо прикрыла глаза. Такого стыда, как сейчас, она не испытывала еще ни разу в своей жизни!

– Я хочу выслушать своего сына, – непререкаемо сказал король, однако, принц не спешил говорить что-либо. Но, судя по тому, как побледнело его лицо (девушка заметила это, бросив короткий взгляд в сторону Бастьяна), он резко протрезвел.

И осознал, что все происшествие было подстроено пригрозившей отомстить пассией. «Ты еще очень сильно пожалеешь!» – так она сказала. И, похоже, привела свою угрозу в действие.

– Кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит?! И что это за юная сэра рядом с тобой, сын?

– Похоже, Ваше Величество, принц Себастьян готов представить вам свою невесту! – невозмутимо произнёс стоявший рядом с королем вельможа.

– Дочь?! – ахнул господин Роже. Растерянное выражение так и не исчезло с его лица.

Жанин тихо охнула и тут же зажала рот ладонью.

Принц нахмурился:

– С чего вы взяли, советник Шарлемань, что я собираюсь сделать нечто подобное?

– Возможно, потому что вы так страстно целовали эту юную сэру, Ваше Высочество?! – голос седовласого сочился холодом.

– Нет! – в один голос воскликнули Себастьян и Жанин.

И девушка заметила, как стоящий среди гостей Жером сморщился и с сожалением покачал головой, глядя на друга и кузена.

– Н-но... Моя дочь – невинная девушка! – с каким-то надрывом в голосе воскликнул отец, и она опустила глаза в пол, не в силах выносить все эти жадные чужие взгляды чужих людей, с удовольствием наблюдающих за разворачивающимся в их присутствии скандалом.

Король, точно и не услышал этот возглас, обвел подданных грозным взглядом, а затем произнес ровным голосом:

– Господа! Возвращайтесь к танцам! Скоро начнется праздничный фейерверк, подготовленный для вас придворными магами! Предлагаю вам полюбоваться этим незабываемым зрелищем и продолжить веселье! А всех, непосредственно причастных к этому... хм, происшествию, настоятельно прошу проследовать в мой кабинет! Вы тоже будете нужны мне, советник Шарлемань! – дёрнул подбородком в сторону седого вельможи и направился прямо на стоящих плотной толпой гостей.

Те поспешно расступились, давая дорогу правителю. Принц, не глядя по сторонам, с независимым видом последовал за королём. Туда же поспешили отец и мачеха, не выпускающая из ладони руку Эстэль, в чьих темных глазах горел восторг от происходящего, друг Себастьяна и еще пара мужчин, одетых хотя и в парадные камзолы, но, судя по выправке, являющихся военными. Советник Шарлемань задержался, выжидательно глядя на Жанин, и ей ничего не оставалось, как отправиться в ту же сторону, что и остальные. Седовласый замыкал группу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.